

Борис КРАСНОВ
г. Санкт-Петербург

Вчера вечером они часа два болтались по территории курорта. Бродили по широким аллеям, над которыми величественно возносились липы и вязы. Было пасмурно, но тепло. Потом пили минеральную воду номер 11 и 12 в пустом павильоне. Две женщины рядом набирали воду в двухлитровые пластиковые бутылки. Без газа минеральная вода, вытекающая тонкой струйкой из краников, показалась Сергею Ивановичу какой-то неправильной. Какой-то ненастоящей. Но Ольга, его жена, тем не менее набрала две поллитровые бутылки и того, и другого номера.

Потом они вышли к фонтану, который, судя по надписи на табличке, бил без остановки больше ста шестидесяти лет. Они посидели на скамейке возле фонтана. Порывы ветра сносили столб фонтана в сторону, рассыпая его мелкими брызгами. Дети, что бегали вокруг, с визгом отскакивали от неожиданного душа.

«Вот и Фёдор Михайлович сидел тут так же, — вяло подумал Сергей Иванович, — смотрел на этот же фонтан. Пил эту же минеральную воду. И что-то думал... Что-то о братьях Карамазовых, вероятно...»

Потом, уже в сгущающихся сумерках, они спускались по узенькой улочке от курорта к гостинице. Из-за заборов на дорогу выхлестывались ветви яблонь, нагруженные желто-розовыми плодами.

Кто-то вынес излишки яблок на газон, что тянулся вдоль улочки, и высыпал в две аккуратные горки.

— Смотри, яблоки! — воскликнула Ольга и тут же, присев, принялась собирать их в полиэтиленовый пакет.

— Ну зачем? — вяло возразил Сергей Иванович. — Что ты с ними будешь делать? В Питер повезешь, что ли?

— И повезу.

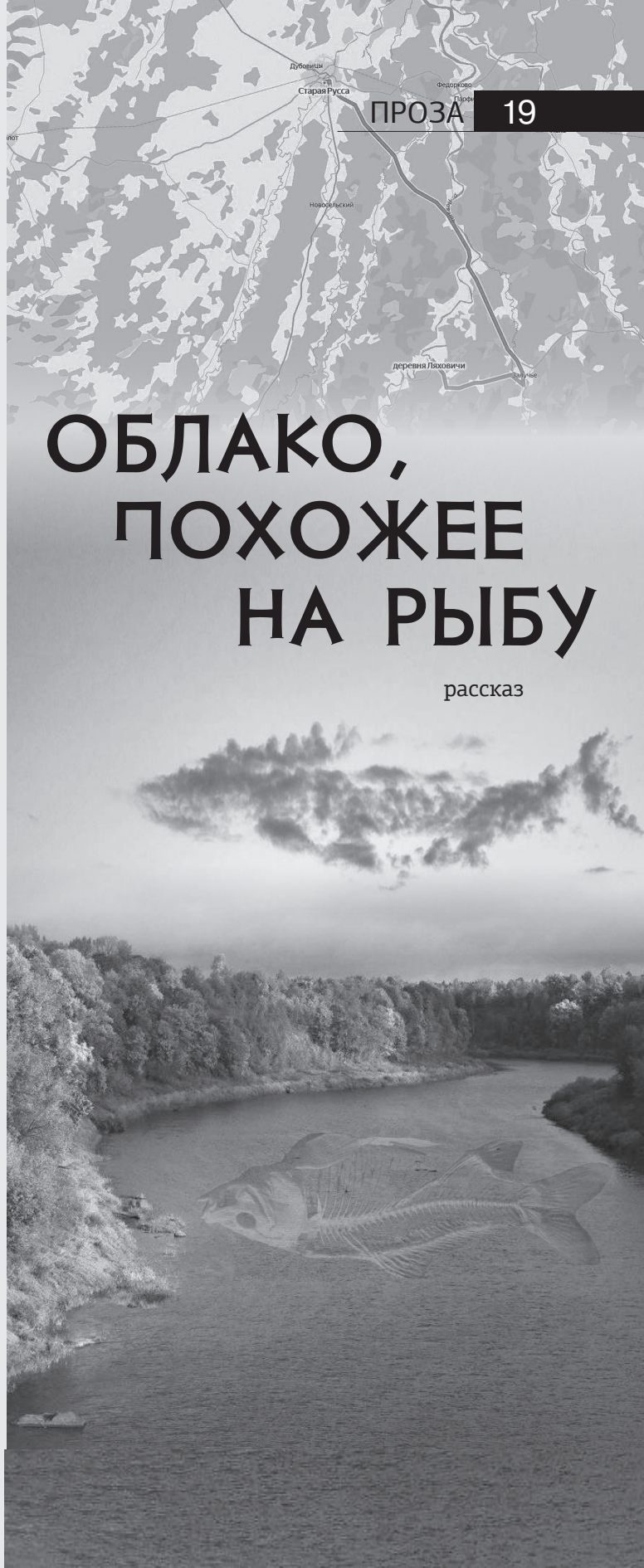
— Они же зеленые совсем.

ПРОЗА

19

ОБЛАКО, ПОХОЖЕЕ НА РЫБУ

рассказ

— Компот из них сварю.

Сергей Иванович остановился рядом, посмотрел на жену, деловито выбиравшую из кучи самые лучшие яблоки, потом посмотрел поверх заборов и одноэтажных деревянных домишек — там возвышался купол небольшой старинной церквушки. За ней сквозь тучи, сквозь узкий разрыв пыталось пробитьсяходящее солнце...

Мобильник зазвенел ровно в пять утра. За окном было мокро и серо. Всю ночь колотился дождь и только к утру перестал.

Сергей Иванович выключил телефон и сел на кровать. Голова медленно, с трудом просыпалась. Жена перевернулась на другой бок и вяло пробормотала:

— И охота тебе ехать в такую рань.

Действительно, подумалось вдруг ему, может, не ехать? Сегодня последний день здесь, завтра — в Питер. Восемь часов на автобусе...

Но несносная привычка всё делать по заранее намеченному плану заставила Сергея Ивановича вылезти из постели, натянуть спортивные штаны и прошлепать через коридор в туалет.

Номера в гостинице были самые неприятельные: удобства общие — в коридоре. В конце его располагалась небольшая кухонька с кое-какой посудой, газовой плитой и микроволновкой.

Сергей Иванович умылся, внимательно осмотрел лицо и решил не бриться. Автобус выезжает ровно в шесть, ждать не будет.

За окном висел туман, по стеклу стекали узкие и прозрачные змейки влаги. Погода словно подсказывала: не надо бы ехать, ну что ты там позабыл в этих Ляховичах?

Вернувшись в номер, Сергей Иванович включил электрочайник и, пока тот закипал, надел джинсы, рубашку, легкий свитер — обычную свою походную одежду. Затем намазал гусиным паштетом пару кусков булки, залил кипятком порцию черного кофе. Быстро позавтракал.

С собой нарезал несколько бутербродов с копченой колбасой и сыром. Завернул в пакет,

бросил в рюкзачок. Туда же отправилась и купленная накануне бутылка с квасом.

Сергей Иванович обхлопал карманы куртки: паспорт с собой, деньги тут, распечатка гугл-карты тоже... Молоток — в рюкзаке. Ну, вроде всё собрал.

— Всё-таки едешь? — спросила жена, открывая один глаз.

— Ну, раз уж наметил...

— Делать тебе нечего, Данилин. Сходили бы сегодня в храм... там служба сегодня...

— Всё, пошел... ты тут не скучай...

— Угу, — Ольга отвернулась к стене.

А Сергей Иванович Данилин, палеонтолог-любитель, охотник за ископаемыми рыбами, пенсионер, работающий в НИИ, вышел из номера и через минуту очутился в туманном и сыром пространстве, где за облаченными в легкую дымку ивами текла почти неподвижная Ловать. Противоположный берег реки сплошь скрывался в тумане, только контуры белых кустов едва прорисовывались сквозь белую пелену.

Трава и кусты были в тяжелых каплях от ночного дождя. Серые тучи затягивали небо, и в какой стороне должно появиться солнце — трудно было угадать.

Берегом реки по тропинке Данилин дошел до моста, перешел на другую сторону и по пустынной мокрой улице двинулся в сторону автостанции. Сначала он пошел было вдоль забора по тропинке, но с деревьев капало, и сама тропинка была грязная, вся в длинных лужах. Чтобы не пачкать кроссовки, он вышел на проезжую часть. Машин в этот утренний час не было. Но вот впереди, в тумане показались два желтых огонька, и постепенно они преобразовались в силуэт легковушки, которая медленно прокатил мимо Сергея Ивановича.

Наконец он пересек железнодорожные линии, сокращая путь, и вышел к автостанции — невзрачному одноэтажному зданию, возле которого уже стояли, дожидаясь пассажиров, два маленьких автобуса.

Автобус на Ляховичи еще не прибыл. Данилин вошел внутрь автостанции, там стояла только одна длинная скамейка, на которой

кучковались бабы с мешками, рядом светилось окошечко кассы.

— На Ляховичи автобус будет? — спросил Сергей Иванович, просунувшись в низкое окошечко к кассирше. Где-то в глубине сознания мелькнула трусливая мысль: хорошо бы — отменили...

— Будет.

— А вечерний рейс?

— Вечерний только до Залучья.

— Как же так? — заволновался Сергей Иванович. — В расписании указано: до Ляховичей...

— Ну, если с водителем договоритесь... Билет брать будете?

— Да... Один до Ляховичей.

Сергей Иванович получил свой билет и отошел от кассы несколько обескураженный и даже встревоженный: если вечерний автобус идет только до Залучья, то как же ему выбираться обратно? От Ляховичей до Залучья, что расположено на основной трассе Старая Русса — Демянск, добрых пятнадцать километров. Годы его уже не те, чтобы такие километры пешком наматывать... Попутку ловить? Ну, тут уж как повезет.

Он вышел на привокзальную площадь, которая объединяла в единое пространство железнодорожный вокзал и автостанцию. Вокзал возвышался в тумане напротив каким-то не очень реальным сооружением, похожим на католический собор. Тишина стояла необыкновенная, только с навеса, что накрывал посадочные платформы, в тонкую лужу мерно падали капли.

Наконец подошел автобус на Ляховичи. Даже не автобус, а «тэшка» — маршрутное такси, мест на двенадцать, не больше. Шофер, полусонный мужик, кряжистый и краснорожий, пошел за путевым листом. Данилин перехватил его на обратном пути:

— А вечером вы до Ляховичей поедете?

— А вам что, в Ляховичи надо?

— Да, и обратно бы... Может, конечно, до Залучья попутку поймаю, а может, и нет.

— Вообще-то, я вечером до Залучья только езжу — там дальше дорога плохая. Вот... — му-

жик полез в карман и вытащил что-то похожее на визитку, — это телефон нашей автостанции. Позвоните, если до Залучья на попутке не получится. Тогда я подъеду в Ляховичи, заберу вас...

В «тэшку» на Ляховичи сели всего четыре пассажира. Трое ехали до Залучья, до Ляховичей — он один... «Куда еду, зачем?» — мелькнула тревожная мысль.

Но «тэшка» уже выезжала из Старой Руссы и, миновав Соболево, устремилась в туманные малолюдные просторы Новгородской области. Лента шоссе пронизывала лесные массивы, перетекая с холма на холм, в понижениях туман сгущался, и было видно, как он торопливо расступается под напором маршрутки, рассыпаясь на легкие спирали.

Миновали речку Редью, справа потянулись поля. Сергей Иванович пытался отдаться этому движению, поймать ноту пути, беспечного и бесцельного, но что-то мешало. Дверца внутри него как будто приоткрывалась слегка, но цепочка ее удерживала, не давая раскрыться полностью. То давнишнее чувство дороги, такое острое по молодости, теперь, с возрастом, поддерживалось какими-то усилиями ума или памяти, или еще чёрт знает чем... Куда еду, на черт?

Сергей Иванович закрыл глаза и представил песчаный обрывистый берег Ловати, — берег, который он видел только по картам из интернета, представил его песчаные разноцветные слои и как он лопаткой аккуратно выкапывает из этих слоев куски рыбных костей, куски панцирных рыб, живших почти четыреста миллионов лет назад. Он даже как будто почувствовал в пальцах их слегка жирноватую, пупырчатую поверхность...

Маршрутка миновала Рамушево и наконец по длинному высокому мосту переехала Ловать. Речная даль тонула в тумане. Теперь дорога отходила от реки на восток.

Ну вот наконец и Залучье. Данилин посмотрел на часы. Сорок пять километров за пятьдесят минут. Нормально... Трое пассажиров покинули маршрутку, и Данилин остался в салоне один...

Сделав непонятную петлю по Залучью, шофер съехал с главной трассы на дорогу, ведущую к Ляховичам через Пинаевы Горки. Ровный асфальт сразу же сменился асфальтом битым. Историю этой боковой десятикилометровой ветки можно было бы написать отдельным романом. Асфальт здесь клали трижды, и всякий раз либо в дождь, либо в заморозки. При этом каждый последующий слой оказывался слабее предыдущего; теперь колеса и дожди проели асфальт до дыр, до первоначального суглинка. Дорога, словно после бомбежки, была изрыта глубокими ямами, некоторые стыдливо присыпаны битым кирпичом, а в некоторых стояла ночная вода. Как ни ухищрялся водитель объезжать промоины по обочинам, всё равно ему приходилось время от времени переезжать ямы, рискуя сломать мост автобуса.

Сначала, когда маршрутка только-только выехала на эту дорогу, Сергей Иванович сразу вспомнил дороги Новосибирской области, а именно бетонку, ведущую к воинской части, разбитую «Уралами» и «Ураганами». Там тоже временами попадались совершенно ужасные участки... Но здесь дорога была убита от первого до последнего километра! Редко когда водителю удавалось проехать безболезненно тридцать или пятьдесят метров. Машина шла со скоростью пешехода, переваливаясь с ямы на яму.

«Боже мой, — подумалось Данилину, — куда я еду по этой безумной дороге? Несчастный шофер! Как он, должно быть, кроет меня, уродуясь на этих ямах! Это же совершенно убыточный маршрут!»

Сергею Ивановичу, сгоравшему от стыда, страстно хотелось, чтобы эта безобразная дорога закончилась как можно скорее, но она все длилась и длилась, испытывая нервную систему Данилина.

Эти десять километров маршрутка ползла ровно столько, сколько она пролетела от Руссы до Залучья... Но вот показались какие-то строения, в тумане проплыла изба с надписью «Магазин», потом какое-то кирпичное здание, снова избы... Пинаевы Горки.

Асфальт кончился, и началась грунтовка. И маршрутка словно вырвалась на волю — тут же прибавила в скорости. Грунтовка была куда ровней изрытого ямами асфальта. «На кой чёрт его стелили?» — зло подумал Сергей Иванович.

Миновали небольшой перелесок, потянулись хмурые, увядшие поля — туманные и неподвижные. Разогнавшись, маршрутка с ходу взлетела на пригорок, оставив позади торчащий косой знак «Ляховичи». Тут же на пятачке, возле наглухо заколоченного магазина, маршрутка развернулась, и Сергей Иванович, смущенно поблагодарив водителя, вывалился из салона в неизвестный ему мир новгородской глубинки...

Это был туманный неподвижный мир, спящий или притворяющийся таковым, и абсолютно безлюдный. Избы, крытые дранкой или шифером, почерневшим настолько, что он ничем не отличался от дранки, стояли отчужденно, с темными окнами, словно закрывшись от незваного гостя. А гость стоял в растерянности, нервно вытаскивал из кармана свернутую вчетверо карту местности, напечатанную на принтере, пытаясь сориентироваться в этой серой бессолнечной мути, где не было ни севера, ни юга, ни востока, ни запада. Более того, казалось, здесь и время остановилось много-много лет назад в проволглой своей отстраненности.

«В каком я веке вообще?» — подумал Сергей Иванович.

Он огляделся. Август вступал в ту пору, когда зелень трав начинала мешаться с чернотой и ржавчиной. Ночной дождь особенно усугублял эту тему. Травы отцвели, и только самые запоздалые вроде пижмы или вербейника кое-где выпрастывали сквозь почерневшую зелень последние свои цветы. Все вокруг было напитано влагой и устрашающей тишиной. «Хоть бы петух прохрипел, хоть бы собака тявкнула», — подумал Данилин.

Но надо было выполнять намеченную программу. Он сложил карту и с уверенностью зашагал вглубь деревни, слыша только неясный

звук своих шагов. Так он дошел до первой развилки. Здесь он в нерешительности остановился — ну и куда теперь? Распечатанная карта не давала ясного ответа. А компас Сергей Иванович забыл еще тогда, когда выезжал из Питера.

«Пойду прямо», — решил он. Главное, сохранять в себе твердость цели. Нельзя давать слабину. Он задушил начинавшие было шевелиться сомнения и зашагал вперед твердым солдатским шагом.

Скоро деревня кончилась, и неожиданно по левую руку открылось неказистое деревенское кладбище.

Укатанная грунтовка вела именно сюда. Дальше она превращалась в заросшую травой полевую дорогу. Даже не дорогу, а проматую трактором сдвоенную колею.

Сергей Иванович раскрыл зонт — тот громко хлопнул, родив звук, незнакомый для этих мест. «Как бы дождь не пошел», — подумал Данилин.

Он двинулся дальше по выдавленной в траве дороге, прикрывая ноги зонтом от бодяка и крапивы; их стебли, отяжелевшие от росы и дождя, вываливались на дорогу, напоминая о том, что лето уж почти прошло.

Наконец Сергей Иванович вышел к реке. Ловать делала здесь резкий поворот, и раздосадованному путнику стало ясно: он зашел не туда. Мысок, на который он вышел, был окружен низкими ивами, а по воде — отцветшими кубышками. Полоса песка, перемешанного с илом, выдавала то место, где рыбаки выволакивали свои резиновые лодки.

Надо было возвращаться обратно. Острое чувство одиночества и покинутости вдруг охватило его. Он вспомнил, как уезжал из прошлогодней командировки. Это было зимой, в конце декабря. Тогда ему пришлось задержаться, чтобы как руководителю группы закрыть все протоколы. Остальные уехали на день раньше. И он стоял тогда один на платформе поздно вечером, дожидаясь последней электрички из Калуги, которая должна подвезти его к ночному поезду Москва — Санкт-Петербург, и тогда шел снег. Только три фонаря освещали

пространство платформы, и в каждом из них, в каждом конусе света, вырванном из темноты, падал медленный снег. И асфальт платформы покрывался падающим снегом, и ни одного следа не было на нем! И Данилину казалось, что он на другой планете и за ним должен прилететь звездолет, но звездолет все не прилетал и не прилетал, а снег все падал и падал... Наконец вдали показались огни калужской электрички и таинство межзвездного одиночества нарушилось...

Сейчас всё было немножко не так. Сергей Иванович отбросил в сторону раскрытый зонт, он упал куполом в траву, ручкой вверх. Данилин достал карту и наконец-то понял, где он находится. Оказывается, он отмахал два километра совсем не в ту сторону.

Обратная дорога ничего, кроме досады, не вызывала. Снова он продирался сквозь мокрую траву, прикрываясь зонтом, снова откидывал рукой нависшие стебли крапивы и бодяка. Кроссовки уже промокли насквозь... Сергей Иванович вернулся к кладбищу на грунтовую дорогу и уже собрался сложить зонт и запихать его в рюкзак, как с неба посыпался мелкий противный дождь.

Данилин вскинул купол зонта над головой и с каким-то тупым упорством зашагал обратно через деревню. Дошагал до развилки и пошел теперь другим путем — по размокшей дороге между двух рядов темных изб, которые как будто образовывали улицу. Кое-где в домах уже зажигался свет, а в одном месте из-за забора пролаяла собака. Избы прятались за кустами давно отцветшей сирени, за тяжелыми от плодов кронами яблонь.

В конце улицы Данилин вышел на высокий берег Ловати. Тут же была вкопана скамейка, а вниз к воде сбегали ступеньки, прорезанные лопатой в песчаном склоне. Вдоль этих ступенек, так же изгибаясь, тянулись перильца, кое-как сколоченные из березовых жердей.

Сверху открывался просторный вид на реку. Далеко внизу на пологом мыске какой-то мужик накачивал резиновую лодку — звуки, похожие на кряканье, далеко разносились по воде. «В солнечную погоду тут, должно быть,

красиво и воздушно», — подумал Сергей Иванович. Сейчас же за мелкой моросью все казалось серым и каким-то безвозвратно потерянным.

Дороги по краю берега, которая просматривалась по карте, в реальности не оказалось. Заросли побуревших трав тянулись далеко по краю берега, и никаких обнажений девонского песчаника впереди не просматривалось. «Ни черта тут нет, — подумал Данилин, — никаких обнажений. Да если бы и были, то как пройдешь туда в кроссовках через мокрую траву под морозящим дождем?»

Подстелив пленку, Сергей Иванович присел на мокрую скамейку и устремил свой взор на далекого рыбака, который, накачав лодку, возился с веслами и снастями...

«Что за рыба водится в Ловати? — мелькнула случайная мысль. — Плотва, окунь? Или, может, что-то особенное: судак, налим, лещ? А что тут водилось тысячу лет назад, когда здесь проходил путь из варяг в греки? А еще раньше? И вообще, сколько же лет этой самой Ловати?..» Никто не знает. Может, в далеком палеозое, четыреста миллионов лет назад, здесь тоже текла какая-то река, некая Пра-Ловать? И тогда водились в ней черепахоподобные ботриолеписы, мелкие и юркие коккостеусы и хищные, продвинутые эволюцией эустеноптероны... И такая же хмурая мокрая погода стояла над берегами реки, заросшей гигантскими хвощами и плаунами...

Рыбак уже спустил лодку на воду и, загребая веслами-лопатками, поплыл через реку к заводу, окруженной осоками и тростниками...

Сергей Иванович высунул руку из-под зонта — дождь перестал идти...

Дождь перестал идти, а Сергей Иванович Данилин все еще куда-то идет. В начале одиннадцатого он выбрался из Ляховичей и шагает пока довольно бодро в сторону Пинаевых Горок. По краям дороги доцветает клевер, луговой василек, тысячелистник, но сныть уже отцвела и ее побуревшие соцветия повергают Сергея Ивановича в легкую грусть.

Велосипедист догнал и обогнал его. Ага, значит, в Ляховичах есть кто-то живой! И снова Сергей Иванович подминает своими динамовскими кроссовками километры грунтовки. Но вот и еще одна развилка. До сих пор престарелый палеонтолог шел по пути автобусного маршрута в обратную сторону, теперь же ему предстоит повернуть в совершенно не освоенные общественным транспортом пространства. Поворот налево ведет к уже известным Пинаевым Горкам, а поворот направо — в таинственное Дроздино и еще дальше — в совсем уж неведомые Будомичи.

Но где-то там, не доходя до Дроздино, километрах в пяти, если пройти лесом к реке, к ее излучке, должны быть какие-то береговые высыпки. А еще дальше по дороге, чуть правее, как будто бы — небольшой карьерчик. На него Сергей Иванович возлагает особые надежды.

Погода не то чтобы начинает налаживаться, но солнце мутным пятном нет-нет да и прорывается сквозь серую пелену небосвода. Настроение Данилина поднимается, тем более что мимо него в сторону Дроздино проезжают «Жигули», а из Дроздино, навстречу — в Пинаевы Горки, пешим ходом проходят старуха с молодым парнем.

«Всё хорошо, прекрасная маркиза...» — напевает Данилин, и шаг его делается увереннее и моложе. Куда-то отступают хандра и усталость. Сергей Иванович словно бы перемещается в другое свое Я. То, которое жило в нем лет двадцать назад. Он-то думал, что оно давно исчезло внутри него, погасло, растворилось в глубине последующих напластований. Ан нет! Что-то осталось. Надо было только правильным образом вытащить это прежнее Я наружу! Словно панцирь древней рыбы из песчаника. Тут только не надо торопиться. (Эх, кабы знать заранее: где по жизни надо торопиться, а где — нет!) Панцирь рыбы, извлеченный из тьмы к свету, требует нежного к себе обращения — его нужно мягкой кисточкой освободить от мелких песчинок, пропитать спиртовым клеем, после облечь в надежную оболочку из бумажных салфеток...

Неожиданно проснувшееся или всплывшее, подзабытое Я накачивает Сергея Ивановича Данилина энергией, и весь мир предстает перед ним в каком-то чудесном, но вместе с тем зыбком свете. Он окидывает взглядом осины и березы, что сопровождают его по проселочной, забытой всеми дороге на Дроздино, и некое ощущение неизбежности происходящего пронизывает его до самой глубины чувств.

Дорога спускается в низину, и Сергей Иванович чувствует холодок, скопившийся и еще не рассеявшийся внизу, у ручья. Темная извилистая вода с трудом преодолевает заросли осоки и лесного камыша. Под гору шагается легко, но уже наверх он поднимается останавливаясь, с передышками...

Поднявшись, он снова сверяется с картой. Так-так, где-то здесь должна быть тропа к реке. Он идет не спеша, внимательно присматриваясь к обочинам дороги... Ага, вот, кажется, и она... Для большей убедительности Сергей Иванович еще раз смотрит в развернутый листок карты...

Путник сворачивает в лес. Тропа, которая едва просматривалась у шоссе, постепенно становится шире и превращается в довольно широкую дорожку, усыпанную коричневатой хвоей. А лес, напротив, становится все гуще, темней. Звериным духом веет из его темных глубин. Сергей Иванович замедляет шаг, оглядывается по сторонам, наконец высматривает в кустах хорошую сосновую палку, почти всю свободную от коры, сухую и крепкую.

Хоть какое-то орудие, думает он. Вроде и не велика польза от этой палки, если действительно выберется медведь из чащи или рысь с ветки махнет, а все равно как-то душе утешительней. Странно, но факт.

Неожиданно на большой сосне он замечает поржавевшую железную табличку «Охотничье хозяйство». Слева от тропы сосны прореживаются, и за ними возникает река — где-то далеко-далеко внизу. Берег тут высокий и обрывистый. И как будто бы впереди среди деревьев проявляется какая-то изба. Домик лесника? Никакого забора вокруг, никаких грядок,

только покосившаяся скамейка. Похоже, в домике никого нет.

Данилину нет нужды подходить к дому, стучаться, искать кого-то. Его вполне устраивает эта немая неподвижность. Тем более, что вскоре он обнаруживает выкопанную в склоне берега лесенку, которая спускается вниз к реке. Но уже глядя сверху на засыпанный галькой берег реки, Сергей Иванович понимает, что это совсем не то, что ему нужно. Это не высыпки девонского песчаника, это галечная отмель, которая на спутниковой карте проявилась светлой дугой. Опять мимо!

Тем не менее Сергей Иванович спускается вниз к воде. Он шагает по рассыпчатой гальке, всматриваясь в нее, надеясь обнаружить хоть какой-то пусть окатанный и замытый обломок песчаника, но нет, вся эта галька ледникового происхождения — серый и розовый гранит. Много всякого мусора попадает на глаза: комки зеленоватой лески, пробки от пластиковых бутылок, деревянные рогульки для крепления удилиц... и даже выбеленная водою и солнцем рыба голова. Сергей Иванович вертит тонкий костяной череп в руке, гадая: плотва или окунь?

Он поднимает голову: высокий берег, поросший высокой травой, продолжается стройными соснами, которые уходят своими колючими кронами в серое неприветливое небо...

Сергей Иванович возвратился на шоссе и идет дальше, постукивая палкой в щебнистую плоть дорожного полотна. Ему осталось посетить последнюю намеченную точку — карьер на краю леса.

Справа Сергей Иванович замечает большой деревянный крест и могилу. Тут же сбоку от могилки — простого холмика, украшенного выцветшими пластиковыми цветами, — скамейка и небольшой столик.

«Откуда здесь могила? — думает Данилин. — Разбился тут кто-то, что ли?..» Но как тут можно разбиться? Машин, пока он шел, проехало всего-то две... На мотоцикле если в кювет слететь — так тут нет кювета. В дерево разве что...

Ну вот, кажется, и поворот к карьору — заросшая травой грунтовка с двумя перевалисты-

ми колеями. Пройдя по ней метров сто, Сергей Иванович выходит к карьру. Останавливается и, оглядевшись, грустно качает головой — вся чаша карьера засыпана большими снопами сухого порубленного кустарника. Где-то проводили расчистку от поросли и свезли все сюда. К противоположному — северному — склону, явно песчаному, напрямую не пройти: гибкие стволы и ветки образовали непроходимые завалы. Придется обходить справа поверху.

Через заросли ивняка, через кусты колючего малинника Сергей Иванович выкарабкивается к северному обрыву. Придерживаясь за гибкие ветки рябины, он спускается с обрывистой кромки на склон карьера.

Да, это девонский песчаник! Вот они, розоватые и красновато-коричневые слои. Кое-где глаз выхватывал из песчаника фиолетовые галечки, характерные для девонских пород.

Сергей Иванович принимается оглядывать эти небольшие высыпки.

Увы, увы, увы!.. Никаких обломков рыб здесь нет! Слои песчаника абсолютно немые. Один только кусок показался ему подозрительным. Угловатый обломок твердого темно-красного песчаника. Откуда он взялся здесь?

Внимательно осмотрев его со всех сторон, Сергей Иванович обнаруживает в нем два обломка кости — каждый размером с ноготь. Да, это кости девонской рыбы! И еще маленький зуб — не больше сантиметра длиной. Он выковыривает их ножом и прячет в маленький полиэтиленовый пакетик.

Сунув пакетик в карман рюкзака, он тут же думает: а надо ли? Что толку от этих неопределимых обломков? Разве что вроде сувенира? В память о поездке?

Больше ничего ему не попало. Этот угловатый камень словно кто-то специально подбросил ему, чтобы поиздеваться над незадачливым собирателем окаменелостей.

Ну, все, решает Данилин, теперь с чистой совестью можно двигаться в обратный путь. Он вынимает мобильник, взглядывает на часы. Три часа с хвостиком... Нормально.

Сергей Иванович выходит на дорогу, возвращается к одинокой придорожной могиле,

устраивается на скамейке за шатким столиком. Вытаскивает из рюкзака бутылку с квасом, бутерброды в полиэтиленовом пакете... Эх, хорошо бы руки помыть! Но где?

Аккуратно двумя пальцами Сергей Иванович вытаскивает бутерброд из пакета, потом одной рукой свинчивает пробку с бутылки и, отхлебнув, решает: хороший квас...

Перекусив, Данилин стряхивает крошки с джинсов и думает, что неплохо бы позвонить жене. Как она там в Старой Руссе? Сергей Иванович убирает оставшийся бутерброд и недопитую бутылку с квасом в рюкзак, вытаскивает мобильник и снимает блокировку клавиатуры...

Оба-на! А сигнала-то здесь и нет! Неожиданное открытие несколько обескураживает Сергея Ивановича. Как же он будет звонить на автостанцию, договариваться насчет водителя? Но, может, в Пинаевых Горках будет сигнал? До Горок — он смотрит на карту — шесть или семь километров. Немало! Он уже и так навертел километров десять, если не больше. Ноги уже побаливают, особенно правая. Да и пульс... Он снова достает мобильник, включает секундомер... Пульс — 120. Прилично. Но пока терпимо...

К пяти часам только Сергей Иванович доплелся до Пинаевых Горок. Увы, сигнала телеоператора не было и здесь. «Надо было вторую симку сунуть, мегафоновскую, — запоздало подумал Сергей Иванович. — Тут, наверное, только «Мегафон» и принимает».

Он сидел на скамеечке напротив местного Дома культуры — прямоугольного здания из белого кирпича. «Пинаегогорский сельский Дом культуры», — гласила надпись перед входом. Слева от входа возвышалось непонятное архитектурное сооружение, напоминающее фаллос, — не то узкая вертикальная арка, не то стилизация под церковную звонницу. Сергей Иванович не понял, что это.

Перед запертым зданием торчала клумба с цветами, обложенная разнокалиберными булыжниками, игриво окрашенными в яркие цвета, а перед клумбой, мордой к дверям, стоя-

ла сонная корова черно-белой масти. Еще три такие же коровы лежали в свободных позах на площадке перед Домом культуры.

Тишина и покой царили вокруг. Но не было покоя в душе Сергея Ивановича. Пока он шел к Пинаевым Горкам, ни одна машина не обогнала его. Шанс поймать попутку становился все более и более призрачным.

Мимо Данилина гордо прошествовала вереница гусей. Потом две девчонки, переругиваясь, прокатили мимо пустую детскую коляску. «Тут даже магазина нет», — с отчаяньем подумал Данилин. Был бы магазин, можно было бы купить водки, и тогда мир показался бы гораздо менее равнодушным и более дружелюбным к усталому путнику.

Время текло невыносимо медленно, и вдруг... откуда-то со стороны Ляховичей из-за домов вперевалку выехали старенькие «Жигули». Данилин махнул рукой — машина остановилась.

— До Залучья подбросите?

— Да не, я тут рядом... — с сочувственной улыбкой проговорил парень, что сидел за рулем.

И действительно, проехав вперед еще метров сто, «Жигули» свернули на боковую улочку.

Между тем, оглядевшись, Данилин понял, что машины у местных жителей имеются. И их довольно много. Почти у каждого дома виднелись или «Жигули», или иномарка. Сергей Иванович понял, что ждать у моря погоды не стоит — надо идти «в люди».

И он пошел по дворам, выпрашивая, не подвезет ли кто до Залучья, предлагая пятьсот рублей за поездку. В первом дворе ему сразу отказали: «Ну вот еще — машину гробить!» И пятисотка не возымела действия. Во втором его послали к Степану. Но Степан, здоровый мужик, измазанный солидолом, возившийся с разводным ключом возле сеялки, с сомнением покачал головой.

— Да я вот звонка жду. Если позвонят, то поеду в Руссу. Тогда могу и до самой Руссы донести, а если не позвонят... не поеду.

Постепенно ситуация становилась всё более безнадёжной. Ну не идти же до Залучья десять

километров?! Хотя кто-то из местных легкомысленно бросил Данилину: «Да тут идти-то всего километров восемь...»

Хождение от одной калитки к другой становилось все более и более мучительным. Вот попал так попал!

Наконец удача...

Какой-то мужик, что копался на огороде, нехотя оторвался от лопаты, оглянулся на девчонку, что пропалывала грядки.

— Да мне тут некогда, вообще-то. Но если дочка согласится... Ленка!

Дочке Ленке было лет пятнадцать. Тонкая, рыжеволосая, с зелеными глазами, даже обрадовалась, что не нужно заниматься нудной прополкой. Она легко и уверенно уселась за руль микроавтобуса «Соболь», который отец вывел из гаража. Сергей Иванович уселся рядом с юной водительницей, мысленно уже расслабляясь и успокаиваясь.

— Осторожнее там, — напутствовал ее отец. — В яму не завались.

Наконец-то Сергей Иванович Данилин выезжал из Пинаевых Горок. «Соболь», ведомый юной Ленкой, выехал за пределы посёлка, затем, медленно и аккуратно объезжая выбоины, двинулся в сторону Залучья.

Сергей Иванович молчал, хотя и надо было бы завести беседу... Но вдруг это только собьёт Ленку, которая и так, кажется, вся напряжена. И все-таки до конца расслабиться Сергею Ивановичу не удавалось. Какая-то заноза сидела внутри. Как будто какое-то предчувствие тяготило...

Неожиданно «Соболь» провалился в какую-то яму, и внизу под ним что-то хрустнуло. «Ну вот, — с отчаяньем подумал Сергей Иванович, — и половины не проехали».

«Соболь» остановился, Ленка выскочила наружу и, присев, принялась осматривать заднюю ось. Потом отошла в сторону и стала звонить по мобильнику.

— Пап, у меня авария, — услышал Сергей Иванович обрывок разговора.

«Ладно, — решил Данилин. — Это судьба!» Он выбрался из автобуса, подошел к Ленке и неловко сунул ей в руку пятисотку.

— Так я же вас недовезла, — пыталась отказаться Ленка.

— Ничего, дальше я сам. Тут недалеко уже... — соврал он.

Он зашагал по разбитой дороге нарочито уверенным шагом, но этой уверенности хватило ненадолго. Как только за поворотом, за темными елями скрылся застрявший «Соболь», он сбавил шаг.

Только спустя полтора часа он доплелся до Залучья. Все автобусы давно уже ушли, оставалось только ловить попутку. Здесь на основной трассе машины хоть и редко, но довольно регулярно проносились то в сторону Руссы, то в сторону Демянска.

Сергей Иванович Данилин сидел на скамейке, что прислонилась к стене закрытого уже магазина, и опустошенным взглядом смотрел в просвет между деревьями, за которыми опускалось вечернее солнце. Узкая полоса розового неба висела низко-низко, но солнце уже опустилось ниже этой полосы. А чуть выше висело узкое длинное облако, похожее на рыбу. Спина у рыбы, как и положено, была темной, а брюхо — розовое, подсвеченное заходящим солнцем. Это было красиво, но грустно...

Нужно было ловить, останавливать попутку, но Данилину стало уже как-то все равно. Ничего уже не хотелось. Туча, похожая на рыбу,

медленно перемещалась слева направо и теряла свои очертания.

Сердце стучало часто-часто и все никак не могло успокоиться. Мимо проехал велосипедист — прошуршали шины по гравию. Громыкая, пролетел самосвал, пустой, в сторону Руссы. Иномарка пронеслась...

Сергей Иванович всё сидел и сидел у дороги на лавочке, словно и не надо ему было в Старую Руссу, к жене в гостиницу, словно он живет здесь и просто вышел вечером подышать свежим воздухом. Просто он уже старый человек, и что ему остается — только сидеть вечером у дороги, провожать взглядом пролетающие машины и вспоминать, вспоминать...

«Жигули» притормозили возле сидящего Сергея Ивановича. Из окошка высунулся водитель:

— Куда? — спросил он. — В Старую Руссу?

— Да, да, в Руссу, — ответил Сергей Иванович и поднялся с места.

Борис Николаевич КРАСНОВ

родился в 1953 г. в Ленинграде.

Окончил Электротехнический институт им. М.А. Бонч-Бруевича (ЛЭИС). Работал инженером-разработчиком на различных предприятиях ВПК.

Автор семи книг стихов и многочисленных журнальных публикаций стихов, прозы и критики.

Член Союза писателей России с 1997 г.

Руководитель Литературной мастерской при СПР.

